

СИРИЛ АЛЬДРЕД

ЕГИПТЯНЕ

ВЕЛИКИЕ СТРОИТЕЛИ
ПИРАМИД

ЗАГАДКИ ДРЕВНИХ НАРОДОВ

Загадки древних народов

Сирил Альдред

**Египтяне. Великие
строители пирамид**

«Центрполиграф»

УДК 94(32)
ББК 63.3(0)31

Альдред С.

Египтяне. Великие строители пирамид / С. Альдред —
«Центрполиграф», — (Загадки древних народов)

ISBN 978-5-9524-5535-1

Автор рассказывает о жизни народа плодородной долины Нила с древнейших времен. Вы узнаете о становлении уникального централизованного государства во главе с фараоном, о культуре и искусстве Древнего Египта. Ярким и образным слогом повествуется о жизни различных слоев населения, о церемониях, обычаях, традициях жрецов, придворных, ремесленников, крестьян и рабов. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(32)
ББК 63.3(0)31

ISBN 978-5-9524-5535-1

© Альдред С.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	7
Ранние отчеты по египетской истории	8
Зарождение египтологии	10
Достижения за последние сто лет	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сирил Альдред

Египтяне. Великие строители пирамид

CYRIL ALDRED
the EGYPTIANS

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2021

ЕГИПТЯНЕ ВЕЛИКИЕ СТРОИТЕЛИ ПИРАМИД

Глава 1

Открытие Древнего Египта

Нет ничего удивительного в том, что первыми египтологами стали сами древние египтяне. Уважение к прошлому почти всегда проявлялось в течение долгой истории этого народа. Поэтому можно было ожидать, что египтяне с их глубоким уважением к святости прецедента положат начало этой науке. К примеру, когда фараон Неферхотеп (приблизительно 1750 год до н. э.) решил заказать новую статую Осириса, царя мертвых, то велел отыскать в архивах библиотеки Гелиополя древнее изображение бога, для того чтобы сделали его точную копию. Шестью столетиями позднее Рамсес IV продемонстрировал сходные знания в области антиквариата; есть много других примеров того, как творения известного правителя в точности копировали его последователи.

Однако не только фараоны стремились показать себя наследниками предшествующих поколений и проявляли искренний интерес к прошлому. Во времена Нового царства было ясно, что множество древних зданий стали фактически национальными памятниками, и к ним регулярно прибывали посетители. Когда царица Хат-шепсут (приблизительно 1480 год до н. э.) выстроила свой громадный погребальный храм в Дейр-эль-Бахри, посягнув при этом на окраины гораздо более древней гробницы царицы Неферу, она позаботилась при строительстве оставить узкий проход, по которому посетители могли добраться до знаменитой усыпальницы Неферу. Надписи, которые эти люди оставили на стенах, дают возможность определить, что они мало отличались от нынешних «коллег».

Такие граффити находят и на других монументах. К примеру, на одном из нескольких зданий, окружающих Ступенчатую пирамиду, есть составленная из стереотипных фраз надпись, рассказывающая о том, что писец Яхмос пришел посмотреть на храм фараона Джосера и нашел, что «внутри как будто солнце встает на небе». Это говорит о том, что монумент был открыт для посетителей приблизительно через тысячу лет после своего создания. Предметом такого интереса к древности были не только впечатляющие гробницы сильных мира сего. Скромные усыпальницы частных лиц в Фивах через девять столетий после смерти их обладателей были доступны для любопытных, а в санские времена произошло возрождение гордости достижениями прошлого: отдельные рельефы и рисунки тщательно очистили и аккуратно скопировали. Благодаря редкостной игре случая санская копия и оригинал (оба на барельефе) уцелели; в наше время они точно так же заслуживают восхищения.

Бывало, что древние египтяне небрежно относились к изучению прошлого, но некий Иби, построивший себе гробницу поблизости от Фив во времена правления фараона Псамметиха I (приблизительно 600 год до н. э.) с удивительной педантичностью скопировал на ней сцены с гробницы времен Шестой династии (она находится в Дейр-эль-Гебрави, на две сотни миль дальше к северу). Возможно, это было связано с тем, что ее хозяин носил то же имя и похожий титул.

Ранние отчеты по египетской истории

Вероятно, Манефон, верховный жрец в храме Гелиополя, имел доступ к огромному множеству записей, когда при Птолемее II начал писать по-гречески свою «Историю Египта» (приблизительно 250 год до н. э.). Полностью эта работа не сохранилась; она дошла до нас лишь в виде фрагментарных и искаженных пересказов, сохранившихся в записях Иосифа и других классических авторов. Они использовали цитаты в основном для того, чтобы поддержать свою точку зрения в полемике с другими авторами. Между тем сомнительно, что даже весь труд имел бы научное значение. Манефон имел намерения рассказать образованным классам египетского общества историю своей страны, но он был вовлечен в соперничество Птолемея и Антиоха Сирийского (каждый из которых стремился доказать, что его земля древнее), и у него были свои предпочтения.

Манефон почти наверняка имел доступ к архивам, дошедшим до нас в урезанном виде, в том числе к записям из Абидоса и Карнака, отображавшим традиции Верхнего Египта; к спискам из Сахары и Туринскому папирусу. Камень из Палермо, от которого осталось множество разрозненных фрагментов, в то время мог хранить в неприкосновенности летописи древних фараонов Египта вплоть до середины Пятой династии. Конечно, кроме этого, у Манефона должны были быть другие, более полные документы, не сохранившиеся до наших дней; вполне возможно, что его династическая хронология не страдала особыми неточностями. Сомнительно, однако, что интерпретация фактов в его произведениях достойна доверия, ведь ему приходилось полагаться на сообщения о событиях, достоверность которых сомнительна, как мы увидим впоследствии.

За неимением «Истории» Манефона особое значение приобретает отчет, который греческий путешественник Геродот (приблизительно 450 год до н. э.) дает во второй книге своей «Истории», где пишет о поездке по долине Нила. В рассказах о виденном своими глазами он обычно проявляет глубокую проницательность, и его мнение достаточно ценно; но многое из написанного в этой книге – всего лишь сплетни. Геродот, по-видимому, никогда не встречался с людьми из образованных классов египетского общества и зависел от местных переводчиков, проводников и мелких чиновников, которые готовы были предложить доверчивому слушателю выдуманное объяснение любого события. По этой причине Геродот сохранил для нас множество сказок того времени, многие из них представляют большой интерес для антрополога, но вряд ли имеют значение с точки зрения историков. Несмотря на это, на Геродота ссылались такие классические географы, как Диодор Сицилийский, Страбон и Плиний. На их отчеты о жизни Древнего Египта ученым приходилось полагаться вплоть до недавнего времени, поскольку после 394 года н. э., когда последняя из известных иероглифических надписей была высечена в правление Феодосия Великого, долгая тишина спустилась над страной и скрыла все, что можно было узнать о ее прошлом. Впрочем, непрерывный ход развития национальной культуры был прерван за столетия до того: когда Птолемей унаследовал египетскую часть империи Александра и начал прививать правящей касте чуждые ей греческие привычки. Процесс эллинизации Египта шел не слишком успешно; к тому времени, когда в 30 году до н. э. Рим оккупировал страну, греческая культура создала лишь тонкий слой на национальной основе. Захватчики жестоко эксплуатировали страну как источник дешевого зерна для городской черни Рима, а поборы сменявших друг друга префектов давали пищу национальному духу сопротивления, который нашел себе поддержку в христианской религии. Это патриотическое и религиозное движение, поощрявшее возрождение египетского языка в форме коптского, записанного греческими буквами и с заимствованиями из того же языка, не привело к возвращению интереса к языческому прошлому.

Отрешение коптского Египта от его древнего наследия завершилось в 693 году н. э., когда Амр во главе арабской армии захватил страну для халифа Омара и превратил ее в исламское государство, на тысячу лет потерявшее тесные связи с христианской Европой. Мусульмане не проявляли интереса к египетским древностям, только свалили несколько монументов в надежде откопать легендарные сокровища, якобы закопанные у их подножия. Вообще на древние памятники смотрели косо, как на творения неверных, к которым следует относиться равнодушно или даже враждебно; некий шейх Мохаммед изуродовал Великого сфинкса в Гизе, думая так порадовать Бога. Позже интерес к древним реликвиям проявили не сами жители страны, а он явился извне.

В конце Средних веков Западная Европа вновь вдохновилась классическим наследием. Этот процесс начался в Италии, где меньше пренебрегали традиционным обучением. Здесь повсюду лежали руины былого величия, вдохновлявшие исследователей на изучение языческого прошлого, причем не только собственного, но и чужого. Некоторые из египетских монументов, перевезенных императорами в Рим, еще стояли, другие (выписанные из Египта, чтобы украсить галереи, пристроенные к императорским баням и виллам) нашли в XVI и последующих веках при строительстве. Появление в 1499 году книги Колонны «*Hypnerolomachia Poliphili*», в которой средневековый символизм сочетался с новым, образным стилем, можно считать первой в Европе попыткой перевести иероглифы в соответствии с эзотерической системой, ведущей свое происхождение от толкования Горapolloна. Вплоть до начала XIX века сохранялась вера в то, что египетские надписи символически выражают религиозные и философские концепции. Эта теория нигде так ярко не выражена, как в писаниях Афанасия Кирхера (1650 год н. э.), чья репутация одного из первых коптских ученых оказалась подпорчена благодаря фантастическим интерпретациям иероглифических надписей. Для него шесть знаков, составлявших имя фараона Акориса (390–378 годы до н. э.), значили, что «статуя сокола с пером и священной вазой Нила должна быть установлена для того, чтобы молитвой превозмочь Момфту и позволить Нилу осуществить его плодородный разлив».

При таком интуитивном изучении продвижение вперед зависело от открытия новых памятников и надписей. В этот период их небольшая часть начала изучаться, в основном благодаря молодым людям, которые в том возрасте, когда положено отправляться в путешествие для завершения образования, уезжали на Ближний Восток.

По этой причине преподобный Ричард Покок, позднее епископ Митский, посетил Нил. Он опубликовал отчет о своей поездке, в который включил гравюры с изображениями редкостей, виденных или собранных по дороге. Он вместе с такими путешественниками, как Норден и Перри, а также антикваром Уильямом Стакли, являлся членом недолго просуществовавшего Египетского общества (первого в череде подобных), созданного в 1741 году для содействия распространению египетского и других «античных учений». Именно над такими дилетантами посмеялся Аддисон в своем первом номере «*The Spectator*», когда описал свое вымышленное путешествие в Каир с целью измерить пирамиды.

Растущий в течение всего XVIII века интерес к Древнему Египту был одним из аспектов движения романтизма, находившего аромат прошлого неотразимо привлекательным и приверженного красочному ориентализму. Беркхард путешествовал в местном наряде под именем шейха Ибрагима не только для того, чтобы избежать риска встречи с ближневосточной разведкой. Любовь к красочному Леванту и его *башибузукам*, грациозно позирующим среди руин на фоне пустынного ландшафта, пришла в литературу и другие виды искусства. Пытливый путешественник, вооруженный карандашом и записной книжкой, и его небольшая группа слушателей – кабинетных ученых, склонных к беспочвенным догадкам, были, конечно, только любителями, эклектичными и в основном бесплодными. Но они представляли два основных потока деятельности, которые даже теперь важны для египтологии.

Зарождение египтологии

Закат новой эры внезапно произошел в 1798 году, когда французы совершили драматическое воплощение идеи получить Суэцкий канал, сокращающий путь в Индию. Попытка воплотить эту идею в жизнь досталась Наполеону; как настоящее дитя своего времени, он взял на себя и ответственность за исследование прошлого Египта во время похода. Высказывание, обращенное к войскам: «Солдаты, на вас глядят сорок столетий», поднимает завесу над романтическим прошлым Египта. В обозе его армии ехали почти две сотни французских ученых, которые должны были исследовать, описывать древности и даже заниматься раскопками. До тех пор научная экспедиция таких размеров еще ни разу не оказывалась в ни в одном из мест античной культуры; в новом столетии она послужила образцом для многих других. Хотя военная авантюра Наполеона потерпела полный крах, он полностью утвердил французское превосходство в области египетской культуры. Тридцать шесть иллюстрированных томов, в которых Виван Денон и его коллеги описали монументы, найденные в Египте, появились между 1809-м и 1813 годами и вызвали живейший интерес.

С этого момента и впредь в XIX веке исследования прошлого вызывали такой же ажиотаж, как в нашем поколении – исследование глубокого космоса. Результаты египетской экспедиции оказались многообещающими, но это не всегда шло на пользу науке. Французы действовали ради национального престижа не в меньшей степени, чем ради научных достижений. Египетские древности теперь стали залогом в игре международного соперничества, в которую великие державы играли друг с другом в различных вариантах. В ней приобретение таких колоссов, как Мемнон или Озимандий, давало нации чувство величественного достижения, сравнимое с современным запуском на орбиту спутника. Это соперничество обозначилось в самом начале столетия, когда при капитуляции Александрии британцы завладели камнем из Розетты – большим куском базальта, испещренным греческими, демотическими и иероглифическими надписями, который французский офицер нашел, копая в районе Розетты (Западная Дельта) траншею. После этого консулы различных держав и их агенты соперничали друг с другом в поисках самых лучших и самых больших «антиков». Этот процесс заполнил музеи самых больших столиц Европы огромными монументами, которые для несведущего человека даже теперь являются практически единственным источником информации о египетских древностях. За период разнузданного грабежа уничтожено оказалось не меньше, чем сохранено. Гробницы открывали с помощью таранов или пороха; драгоценные записи превращали в разрозненные клочки; происхождение практически любой вещи уже невозможно установить. В этом уничтожении наследия древних египтян их потомки участвовали с не меньшим наслаждением, чем все остальные; они рады были продать за французское золото случайные находки, значения которых не понимали и не ценили. Древности, изображенные на фото 58 и 39, оказались поделены между несколькими коллекционерами: голову статуи приобрел один агент, а тело – другой, его соперник. Папирусы разрезали на части и продавали их по отдельности, поэтому они навсегда оказывались разрозненными.

В то время как искатели приключений всех мастей собирали богатый урожай древностей и набивали себе карманы, ученые тоже не сидели сложа руки. Открытие камня из Розетты дало ключ к загадке иероглифов, жившей уже столетиями. Когда камень еще находился в руках французов, Наполеон велел скопировать иероглифы и разослал рисунки ученым по всей Европе. Греческий текст, конечно, можно было прочесть; это оказалась ода в честь Птолемея V (196 год до н. э.). Ясно было, что остальные две надписи – демотическая, сделанная на языке египетского простонародья, и иероглифическая – представляют собой копии того же документа. Ученые стали предпринимать шаги для расшифровки этих иероглифов. Энциклопедист Томас Янг создал специальную методику во время изучения камня из Розетты и пред-

положил, что определенная группа значков в другой двуязычной надписи, привезенной ученым-любителем Бэнксом в 1810 г., означала имя Клеопатра.

По-видимому, это открытие было замечено французским ученым Жаком Франсуа Шампольоном и помогло ему создать известную теорию о том, что иероглифами обозначали не звуки, а символы. В отличие от соперников Шампольон прекрасно смог использовать возможности своего прорыва, зная также коптский язык. Начав с осознания того, что иероглифы являлись средством выразить с помощью рисунков понятия языка, он быстро продвигался вперед. В 1822 г. его знаменитое «*Lettre a M. Dacier*»¹ представило миру научную систему расшифровки египетских иероглифов. Феноменальный успех, которого он добился за короткие десять лет до своей ранней смерти, закреплен в работе «*Pwciis*» (1824), в грамматике и материалах для словаря, которые он оставил для дальнейшей публикации. Почти сразу же началось научное исследование Древнего Египта: впервые со времен Феодосия заговорили египетские письмена. Статуя Мемнона снова обрела голос.

Последователи Шампольона усовершенствовали процесс исследования древнего языка, и сегодня филологи располагают обширным и разнообразным материалом из этой области. Исследования Лепсиуса, Бирча, Годвина, Бругша, Шаба, де Ружа, Масперо, Стерна, Эрмана и других ученых XIX века не только дали богатые плоды в области коптского языка, но и способствовали изучению иератических и демотических надписей. В следующем столетии благодаря работам многих филологов, в особенности Моллера, Гриффита, Гунна и Гардинера, стало возможным прочесть большую часть египетских текстов даже с большей грамматической точностью, чем это смогли бы сделать сами древние авторы даже в случае, если значение написанного нашим современникам не вполне ясно. Больше всего не хватало самих текстов: то, что сохранилось, представляло собой разрозненные отрывки из античной литературы.

Свободный доступ к новым материалам, в особенности относящимся к области литературы, права, науки или истории, был жизненно необходим не только для того, чтобы расширить понимание прошлого, но и для того, чтобы не дать академическому изучению египетского языка опуститься до уровня лапутянской салонной игры слов.

Поскольку благодаря открытиям Шампольона среди европейских ученых распространилась новая информация об этом языке, стало ясно, что для более точного обследования египетских памятников необходима еще одна экспедиция. В 1828–1829 годах сам Шампольон совместно с Росселини, итальянским египтологом, начал подобный проект, но наиболее знаменательным среди подобных путешествий оказалась прусская экспедиция Рихарда Лепсиуса (1842–1845 годы). В 1859 году обширный материал по надписям из Египта и Судана был опубликован в виде двух огромных томов его работы «*Denkmaler am Aegypten*», состоявшей только из вкладок. Описания появились позднее, между 1897-м и 1913 годами, в пяти томах. Труд этот по-прежнему является фундаментальным и вряд ли будет когда-либо превзойден, поскольку многие памятники, записи о которых в нем содержатся, уже уничтожены или изуродованы. К сожалению, точность этой книги оставляет желать лучшего. Экспедиционные художники работали на основе заранее сложившихся убеждений и не смогли воспроизвести характер египетских рисунков.

¹ Письмо к месье Дасьеру (фр.).

Рис. 1. Оркестр и танцоры: гравюра по рисунку сэра Д. Гарднера Уильямса, изображающему часть росписи гробницы, который в настоящий момент находится в Британском музее

Впрочем, предвзятость и личные симпатии можно обнаружить в работах любых других копиистов – это в особенности относится к Роберну Хэю из Линплума (1799–1863), который вместе с художниками Катервудом, Бо-номи и Арунделем несколько раз посещал Египет до 1838 года с целью скопировать статуи и начертить планы. К сожалению, бесценные манускрипты Хэя никогда не печатались, кроме как в отрывках. Среди других любителей можно назвать Джона Гарднера Уилкинсона (1797–1875), который в 1821 году поддался магическому воздействию Древнего Нила и следующее десятилетие провел там, занимаясь копированием и раскопками. Большинство результатов его работы воплотились в книге «Манеры и обычаи» (1837) с ее причудливыми и интересными гравюрами. Труд этот оказал заметное влияние на процесс популяризации египтологии в среде образованных классов викторианской Британии и представляет определенную ценность. Позднее в том же веке достаточно точное воспроизведение памятников стало одним из самых значительных предприятий появившихся в Европе сообществ египтологов. В особенности стоит упомянуть работы Картера, Блэкмена, Нормана и Нины Дэвис, сделанные для Фонда исследования Египта (позднее общества), заслуживающие высочайшей оценки и установившие новые стандарты. Работа по точному копированию вида памятников все еще ведется (в особенности Восточным институтом в Чикаго), в процессе которой находят применение новейшие методы фотографии и других современных технологий, позволяющих сохранить и публиковать заслуживающие доверия записи. Между тем в этой конкретной области многое еще предстоит сделать.

В середине XX столетия Египет оказался на пороге новой эры. По-видимому, династия албанского искателя приключений Мохаммеда Али прочно занимала престол; двор и правящие классы европеизировались. Множество европейских врачей, инженеров, банкиров, купцов, миссионеров и им подобных стремились поддержать потуги Египта приобрести звание современной державы. Суэцкий канал и железные дороги готовы были сделать путешествие в Египет и по нему быстрее и безопаснее. Египет внезапно очнулся и понял, что его памятники являются ценным «аттракционом» для туристов. Старые консульские покровители и их фавориты практически исчезли; появились новые люди, готовые в поисках знаний исследовать и копать. Такие энтузиасты, как Говард Вайз (1784–1853) и Перринг (1813–1869), сохранили пирамиды в Гизе, Абу-Раваше, Дах-шуре и других местах. Можно упомянуть и Александра Ринда (1833–1863), который, как и Уилкинсон, впервые приехал в Египет для поправки здоровья, а затем остался для изучения и исследования страны.

Достижения за последние сто лет

В 1854 году произошло событие, которое оказало далеко идущее влияние на процесс повторного открытия прошлого Египта. Молодой чиновник французского Лувра Огюст Мариетт был направлен в Египет для сбора коптских манускриптов, но обнаружил во время визита в Сак-кару нечто, показавшееся ему полужасыпанными песками памятниками в месте, описанном Страбоном, пренебрег своей миссией и «почти украдкой» начал копать. На завершение этого предприятия у Мариетта ушло четыре года; в результате он открыл древний Серапеум и необыкновенно обогатил Лувр древностями различных периодов. Кроме того, открытие решило его судьбу: в 1858 году хедив Саид назначил молодого человека хранителем памятников. После этого вся его жизнь была подчинена раскопкам и сохранению древностей Египта на родной земле. Создание и развитие службы древностей, способствовавшей должному проведению археологических изысканий, основание Национального музея для показа и сохранения экспонатов, помощь в исследованиях стали делом жизни Мариетта. Он мужественно выполнял свою миссию, невзирая на многочисленные препятствия: интриги торговцев и чиновников, наживавшихся на нерегулируемой продаже *антиков*, зависть других ученых и переменчивый, предательский характер самого хедива.

Крушения, которые терпел в своей работе Мариетт, подорвали бы здоровье и дух менее сильного человека; можно сказать, что со своей энергией и волей к победе он полностью соответствовал требованиям времени. Нововведения Мариетта касались сферы политики и администрации, но слишком много было попыток, в которых распылялись ресурсы, надзор был слабым, полевые заметки велись плохо, и мало было публикаций. Труды Мариетта нельзя недооценивать, но многое из достигнутого было бы потеряно, если бы его непосредственный преемник (еще один француз) Гастон Мас-перо не оказался на посту генерального директора в 1881 году. За время долгой и дипломатичной, хотя прерывавшейся время от времени службы Масперо на этом посту закрепились позиции службы древностей, появился достойный уважения музей и начались постоянные публикации результатов. Его знания, деятельный характер и способности одинаково замечательны.

Он был последним из великанов, объединявших почти все разделы египтологии в своем обширном уме и использовавших в своей интерпретации прошлого воображение и интерес.

К 80-м годам XIX столетия усилия таких ученых создали египтологию нового покровителя – образованный средний класс Европы и Америки, который, объединяясь в ученые общества, готовился предложить финансовую поддержку. До тех пор деньги давали только богатые одиночки или американские толстосумы. Много добра в этой области делалось втайне из-за публики, воспитанной в глубоком почтении к классикам и Библии. Таким образом, первичной целью Фонда исследований Египта, основанного в 1882 году, было вести раскопки «с точки зрения разъяснения истории и искусств Древнего Египта и иллюстрирования рассказов Нового Завета, а также исследовать места, связанные с ранней греческой историей». Эти цели честно и полностью выполнялись в ходе ранних экспедиций фонда, который в 1884 г. направил для исследований в Танисе малоизвестного исследователя Уильяма Мэттью Флиндерса Петри (1853–1942), который совершил революцию в технике египетских раскопок. У Петри не было систематического образования, но имелись исключительные природные таланты, которые в течение своей долгой жизни он полностью посвятил занятиям египетской и персидской археологии. Применяя принципы ведения раскопок, изобретенные в Британии генералом Питт-Риверсом, и развивая их, он полностью порвал с традициями старых любителей, заинтересованных в открытии больших зданий, засыпанных песком, или перевозке колоссальных монументов в музеи. Он уделял внимание множеству неучтенных мелочей, которые раньше не замечали или упускали из виду: царапинам на черепках, остаткам сломанных амулетов и

колец, осколкам грубой домашней глиняной посуды. Многие тогдашние нововведения теперь так широко распространены в археологии, что трудно поверить, будто их в свое время считали революционными. Это касается использования расплавленного воска для защиты хрупких объектов; раскопки фундаментов для определения возраста зданий и пропорций, даже если они лежат в руинах; типология таких вещей, как оружие, посуда, каменные сосуды, также в большой степени принадлежит ему. Его основным достижением в египтологии было определение доисторических культур и метод датировки по осколкам глиняной посуды. Кроме того, он открыл много материальных остатков культуры древних династий и привел их в исторический порядок даже в тех местах, где раньше поработали менее умелые археологи. Здесь мы не можем перечислить все важные памятники, которые он открыл и сохранил в ходе своей работы, но из огромного множества можно выделить дощечку фараона Нармера, статуэтку Хеопса из слоновой кости, раскрашенную мостовую из глиняных кирпичей в Амарне и портреты мумий из Файюма. Мы могли бы вспомнить и другие достижения, например обнаружение местонахождения городов Дафне и Нав-кратиса в болотах Дельты и других обширных полей исследований, которые затем разрабатывали другие. Полстолетия он следовал обычной процедуре: вел раскопки в зимние месяцы, а в летние публиковал результаты. Его публикации представляют собой неистощимый источник информации, даже несмотря на некоторые огрехи, вызванные спешкой.

Все это достигнуто при минимальном финансировании. Он скромно жил в своем лагере, часто сам фотографировал, делал анализы, копировал, рисовал и копал. Немногие из сотрудников могли выдержать его суровый стандарт, теперь вошедший в легенду. Этот человек обучил два поколения рабочих для раскопок и большинство из них пережило, а методы приняли и закрепили другие. У него были критики, но, когда предвзятые мнения исчезнут, окажется, что Петри (как и Мариетт) был человеком, без которого египтология стала бы значительно беднее.

Тем не менее это не значит, что в Египте археологам почти не осталось работы. Верно утверждение, что мы лишь слегка коснулись огромной поверхности. Для того чтобы обеспечить постоянный приток финансирования, нужно было каждый сезон проводить раскопки и обеспечивать видимые результаты; поэтому археологи, зависевшие от частных или государственных фондов, работали в основном в Верхнем Египте, где сухие пески лучше сохраняли экспонаты. Важные, но сложные исторические места Дельты, где раскопки могли не дать эффекта, обычно оставались в небрежении, хотя усилиями местного населения они постоянно разрушаются. Для того чтобы не потерять все, необходимо немедленно провести серьезные работы. Залежи раннего династического периода в Саккаре и Иераконполе тоже требуют систематического изучения. Украденные рельефы фараона Четвертой династии могут быть погребены в разрушенной пирамиде Аменемхета I в Лиште, необходимо изучить фундаменты всех зданий в Фивах – этот список можно расширять постоянно. При проведении новых строительных и ирригационных работ в Египте присутствие квалифицированного археолога необходимо, однако в последние годы американские и европейские экспедиции отказались от выполнения своей миссии перед лицом чересчур суровых правил. Но в настоящее время египетское правительство решило стимулировать участие иностранцев в археологических исследованиях на территории Египта и Нубии. Если это решение будет воплощено в жизнь, то продолжение взаимодействия службы древностей и иностранных ученых откроет новую страницу в работе по сохранению прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.